

Л. Н.
АНДРЕЕВ

Избранное

Леонид Николаевич Андреев

В переплете из ослиной кожи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2806755

Аннотация

«Подобно птичке, которая по зернышку клюет и всегда сыта бывает, русский интеллигент отовсюду подбирает крупички мудрости, не брезгуя ими даже в том случае, если они свалились с мужицкого стола. Нельзя не почтить в нем этого стремления, благодаря которому он и не сеет и не жнет, а в то же время в своей фразно-лилейной красоте малым-мало уступает Соломону. В особенном почете у интеллигента находится народная пословица: «Один в поле не воин», и ею как магическим ключом можно отпереть для обзора и изучения почти всякую интеллигентную душу. И как всякую любимую и почитаемую вещь интеллигент обделал пословицу в ценные теоретические рассуждения и переплел в ослиную кожу...»

Леонид Николаевич Андреев В переплёте из ослиной кожи

Подобно птичке, которая по зернышку клюет и всегда сыта бывает, русский интеллигент отовсюду подбирает крупички мудрости, не брезгуя ими даже в том случае, если они свалились с мужицкого стола. Нельзя не почитать в нем этого стремления, благодаря которому он и не сеет и не жнет, а в то же время в своей фрачно-лилейной красоте малым-мало уступает Соломону. В особенном почете у интеллигента находится народная поговорка: «Один в поле не воин», и ею как магическим ключом можно отпереть для обзора и изучения почти всякую интеллигентную душу. И как всякую любимую и почитаемую вещь интеллигент обделал поговорку в ценные теоретические рассуждения и переплел в ослиную кожу.

Один в поле не воин. Не знаю, у кого из наших достойных предков вырвалась эта горестная фраза, но, кто бы он ни был и с какой бы ратью ему сражаться в одиночку ни приходилось: с несметным ли полчищем татарским или с темной тучей подьячих, целовальников и опричнины, я с величай-

шим удовольствием отыскал бы его могилу, чтобы вбить в нее осиновый кол. И я буду очень благодарен всякому, кто укажет мне эту могилу, – только прошу комиссионеров не приходить, а также предупреждаю, что мне нужна могила именно первого провозгласителя означенной горестной фразы, но никак не тех, кто ее за ним повторял. Дело в том, что у меня не хватит времени, а в русских лесах – осины, чтобы достойно почтить все такие могилы.

Много говорилось и до сих пор говорится о славянской розни, о чисто славянской неспособности в какой-либо прочной организации, о их вечном стремлении действовать вразброд и в одиночку – и все это положительная неправда, даже более того – клевета. Никто с такой силой не жаждет организации, никто с таким усердием не делает ее *conditio sine qua non*¹, как славянин, в частности русский обыватель. Только в организации он сознает – себя человеком, у которого есть ноги, руки, язык. Без организации – он нуль, тряпка грязная, пятно, мокрая курица, все что угодно, но только не человек. Дайте ему организацию, зарегистрируйте его, наделите его членским билетом, форменным платьем и правилами поведения – и он почувствует в себе силы Сампсона, и если не унесет на своих плечах Никитских ворот, то только потому, что они есть понятие отвлеченное. С другой стороны, нет существа более беспомощного, более пассивного, нежели неорганизованный интеллигент; для всех кула-

¹ обязательное условие (*лат.*).

ков, как вольнопрактикующих, так равно и зачисленных в штаты, это самый лучший, самый подходящий материал для упражнений. В результате – тысяча одно безобразие, какими кишит повседневная жизнь.

– Что же я один-то поделаю, – с горьким презрением к своим силам говорит интеллигент, на глазах которого совершалось одно из таких безобразий. – Сам еще в участок попадешь, Дон-Кихотом прослывешь.

Кстати будет заметить здесь, что всякий порядочный, уважающий себя обыватель, несомненно, предпочитает, чтобы его называли Василием Чуркиным, нежели Дон-Кихотом. Назвать же его Гамлетом – это значит прямо польстить ему, но Дон-Кихот... Не оттого ли так случилось, что «Дон-Кихота» он читал только в переделке для детей младшего возраста?

Быть первым, быть одному, это такое жуткое положение для обывателя, словно сам он и все ему подобные изверку страдают агорафобией. Даже такие отрицательные действия, как бросанье водки, обыватели предпочитают совершать скопом: на днях в Петербурге после какой-то лекции было предложено присутствовавшим отказаться на год от употребления водки, и 30, не то 40 человек с готовностью отозвались. На миру и смерть красна! Что же касается положительных действий, то одиночный интеллигент к ним решительно не способен даже в том случае, если действия заключаются в скромнейшем проявлении своей индивидуальности и охране ее. С раннего утра до поздней ночи интелли-

гент совершает бесчисленное множество нецелесообразных, даже глупых поступков, над которыми сам же смеется в тиши своей спальни мефистофельским смехом – и не в силах отказаться ни от одного из них. С уверенностью можно сказать, что почти в каждую минуту своей жизни он делает то, чего ему не хочется: бодрствует, когда хочется спать, спит в моменты наивысшего бодрствования, читает, когда хочется говорить, и говорит, когда тянет к книге. У него есть какой-нибудь пяток или десяток людей, беседа и общение с которыми дает ему действительное удовольствие, – и каждый день, с проклятием на устах, он таскается по людям, которые надоели ему до тошноты, сам надоедает им до тошноты и настойчиво, со слезами в голосе зовет их к себе в гости. Ни одеться, ни причесаться он не смеет так, как ему хочется, и больше всего в мире боится, чтобы его как-нибудь случайно не приняли за самостоятельную единицу, а не за единого от стада черных, пестрых или рябых. Будучи, однако, по природе блудливым, он старается в этих узких пределах стадности что-нибудь мошеннически урвать на свою пользу: фрак пустить на два пальца длиннее, этакий галстук заведет. Таких новаторов очень легко узнать в толпе по их виду еще не пойманного мошенника, за которым, однако, уже гонится полиция. И немногие понимают, сколько позорного и холопского в этом отречении от своей личности, своих вкусов и желаний, и насколько в своем стремлении принизиться и обезличиться они приближаются к тому своему предку, ко-

торый под всякой бумагой подписывается: твой недостойный раб «Ивашка».

Неспособные работать в одиночку, они ненавидят всеми силами своей Ивашкиной души одиноких и смелых работников, ненавидят, как больной ненавидит здорового, как преступник ненавидит судью. Случается, на наших глазах гибнут одинокие борцы – слышали ли вы когда-нибудь слово искреннего сожаления о их судьбе, горячего, не фарисейского участия?

– Не суйся!

Вот та обычная, злорадная формула, какой засидевшийся интеллигент провожает в могилу своего погибшего брата.

– Не суйся!

И эти люди смеют обвинять жизнь, жаловаться на несправедливость, толковать о своих «идеалах»!